

ИНДИЯ

БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ МУДРОСТЬ

М.Ф. Альбедиль

Сокровенная история цивилизаций

Маргарита Альбедиль

Индия: беспредельная мудрость

«ИП Карелин»

2003

Альбедиль М. Ф.

Индия: беспредельная мудрость / М. Ф. Альбедиль — «ИП Карелин», 2003 — (Сокровенная история цивилизаций)

Индия с полным основанием может считаться духовной лабораторией человечества. В ней присутствуют все мировые религии: буддизм, христианство и ислам, а также несколько национальных: индуизм, джайнизм, сикхизм, которые сосуществуют с первобытными верованиями. Этот потаенный, вневременной мир духовных ценностей, сохраняющий непрерывность развития с первобытных времен, не погубили ни вторжение техногенной цивилизации, ни войны и революции, прокатившиеся по миру. Урокам Индии стоит внимать, как наставлениям мудрого собеседника. С этим гениальнейшим в религиозном отношении народом на земле и его духовными достижениями и знакомит эта книга, адресованная широкой читательской аудитории.

© Альбедиль М. Ф., 2003

© ИП Карелин, 2003

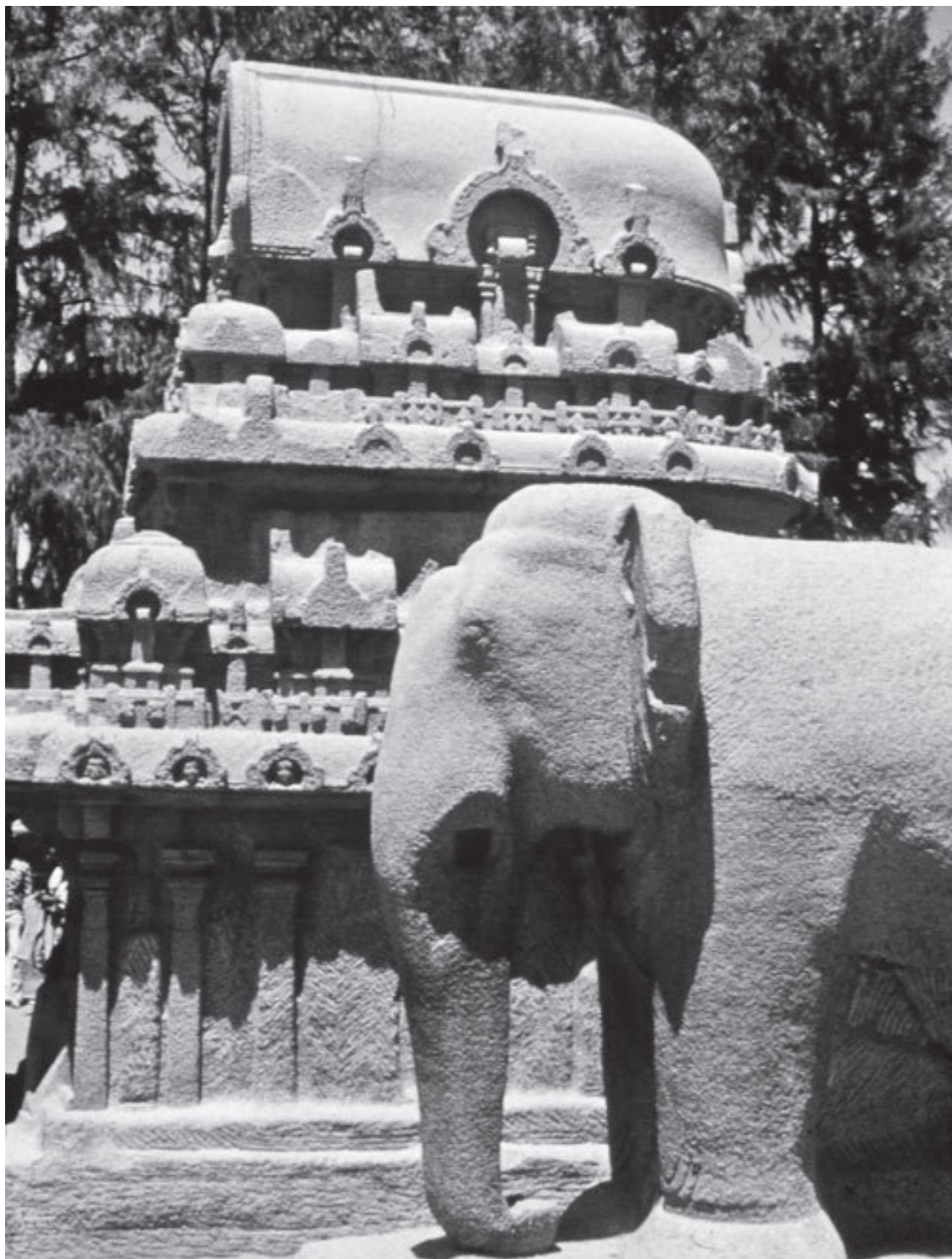
Содержание

Предисловие	7
Глава 1	17
«Скрижали природы»	19
Вначале был миф	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маргарита Федоровна Альбедиль

Индия: беспредельная мудрость

Маргарита Федоровна Альбедиль – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге; занимается исследованием религиоведческих проблем; автор ряда статей и книг по истории и культуре Индии, в том числе: «Забывтая цивилизация в долине Инда» (1991), «Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры» (1994), «Индуизм» (2000), «В магическом круге мифов» (2002).

Предисловие «КРАСОТА ЗАЛОЖЕНА В ИНДО-РУССКОМ МАГНИТЕ»

Памяти моих Учителей

*На дне всех миров, океанов и гор
Цветет, как душа, алмазтовый бор, —
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Через сердце избы, где кончается свет;
То Индия наша, таинственный ужин,
Звонящий потирами в красном углу...*

Н. Клюев

В нашем отечестве давно сложилась специфически русская традиция особой любви к Индии. Связи России и Индии старинные, их истоки просматриваются уже на заре существования Киевской Руси. Первые индийские «вливания» – сначала в опосредованном виде – наша культура получила после того, как Русь, подобно другим средневековым европейским странам, стала восприимчивой античной культуры, а эта последняя отнюдь не была изолирована от глубоких восточных, в том числе и индийских, воздействий.

Главной ареной становления связей между двумя странами поначалу была торговля, осуществлявшаяся через Поволжье. Русские и индийские купцы могли встречаться и в хазарском Итиле, и в Булгаре, и в других местах оживленного волжско-каспийского торгового пути. В эпоху Золотой Орды Русь была уже основательно вовлечена в интенсивный торговый обмен с Востоком, а в ордынской столице Сарай-Бату соседствовали русские и индийские базары и, надо полагать, индийские «бусурманы» рассказывали нашим средневековым соотечественникам немало интересного об индийских чудесах и богатствах, да и русским было чем удивить заморских «гостей». Купцы возвращались домой и рассказывали обо всем увиденном и услышанном, и можно только догадываться, какие чувства испытывали их чада и домочадцы, слушая истории о далекой заморской стране, пробуя непривычного вида и вкуса сласти, разглядывая необычные ткани и украшения, вертя в руках диковинные шахматные фигурки или дивясь обнаженному «идолу поганому». А в том, что подобного рода сцены могли происходить, не приходится сомневаться. Стоит лишь указать для примера, найденную сравнительно недавно в Кубани статуэтку джайнского святого, датируемую XI–XVII вв.

Торговые связи долго и устойчиво сохранялись. Вспомним, как поражался обилию товаров пушкинский Евгений Онегин, попав в Нижний Новгород на знаменитую Макарьевскую ярмарку:

*Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вина европеец,
Табун бракованных коней
Привез заводчик из степей...*

Разными путями попадали и русские в Индию. Русские солдаты – татаро-монгольские невольники – воевали в армии Гази Малика, узурпировавшего власть в Дели в 1320 г.; поэт Хосров Дехлеви восхищался «холодными как лед» русскими красавицами-рабынями, а новгородские и псковские летописцы сокрушались по поводу чумы, занесенной кем-то «из индийской стороны, от Солнца-града».

Начиная с XV в. Индия («Гиндустан») заняла прочное место не только в нашей устной, но и в письменной традиции. Из нее русский человек мог почерпнуть немало любопытного о Древней Индии, ее царствах и богатствах, аскетах и мудрецах, о военном походе великого царя Александра и о духовной миссии апостола Фомы. Как известно, русские книжники очень быстро, в необыкновенно сжатые сроки освоили громадное переводное литературное наследие сразу же после крещения Руси, так что славянин-книгоучей мог совсем неплохо познакомиться с Древней Индией через многие основные жанры грекоязычной письменности, ставшие достоянием отечественной словесности. Не одно поколение наших предков зачитывалось сказаниями о Рахманьском острове – стране брахманов и индийском царстве, о царевиче Иоасафе, в образе которого явно угадывается Будда. Упоминание о праведной жизни «рахманов» встречается еще в Несторовой летописи со ссылкой на хронику Георгия Амартола. Сходные сведения излагаются и в сборнике старца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина, относящемся к XV в. Правда, русский книжник по-своему расцвел легенду, сообщив, что у рахманов нет ни царей, ни вельмож, а также нет у них купли-продажи, разбоя и других пороков. А в апокрифическом «Хождении Зосимы к рахманам» они вообще показаны как образцовые христиане.

Немало фольклорных рефлексий Древней Индии обнаруживается и в великорусском фольклоре, причем распространены они были на Руси исстари, задолго до знаменитого «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. Чего стоит, например, былинный цикл об индийском госте Дюке Степановиче! На вопрос Ильи Муромца, откуда он родом, Дюк Степанович отвечает:

Есть я из Волынь-города из Галича,
Из той Сорочины из широкия,
Из той Индеи богатия,
Из тоя Карелы упрямыя.

Оставляя в стороне не вполне понятный даже специалистам географический дуализм (другой его вариант: «Индея богатая – Корела проклятая»), отметим, что в общей былинной панораме Индия именно так и выглядит – как «Индея богатая». И напрасно мать Дюка Степановича учит его не особенно хвастаться богатствами своей страны; не может тот устоять перед соблазном и живописует киевскому князю Индию следующим образом:

А у нас ли во Индии во богатые
Церкви у нас да все каменные,
А известочкой они да отбелены,
На церквах-то маковки самоцветные,
На домах-то крышечки золоченые,
Мостовые рудожелтама приусыпаны,
Сорочинские суконца приразастланы,
Не замараешь тут сапожков зелен сафьян.

В сказаниях о богатыре-оборотне Волхе Всеславыче Индийское царство нарисовано не только как могучее, но и весьма агрессивное:

Индейский царь наряжается,
А хвалится, похваляется.
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри разорить...

Так что неизвестно, какая беда могла обрушиться на Киев-град, если бы не Волх Все-славич, обернувшийся туром, соколом и горностаем и выведавший все в покоях царя и царицы. Справедливости ради нужно отметить, что никакой исторической достоверности в этом эпизоде нет: индийцы, совершенно чуждые всякой агрессии, никогда не покидали пределов своей страны. Подобное «домоседство» может показаться нам странным, особенно если вспомнить перенаселенность Индии, но оно естественным образом объясняется тем обстоятельством, что во все века энергия народа уходила не на экспансию и расширение территории, а на выстраивание духовной вертикали, устремленной ввысь.

К этим фольклорным сказаниям об «Индийском царстве», «Индеюшке богатой» восходит образ Белой Индии в поэзии Николая Клюева: «И страна моя, Белая Индия, преисполнена тайн и чудес!» В 1916 г. поэт написал поэму «Белая Индия», первую в цикле «Долина Единорога». Белой Индией поэт называет заповедную, заветную и сокровенную Русь, Китеж-град, «земли талисман», который скрыт в глубине, «на дне всех миров», и в то же время она грезится ему страной грядущего преображения, обетованием нового земного рая.

Сам поэт так пояснил свое представление о Белой Индии: «Иконописные миры, где живет последний трепет серафимских воскрылий... гром слова – былинного, мысленного, моленного, заклинательного, радельного... – вот тайные, незримые для гордых взоров веки, ведущие Россию – в Белую Индию, в страну высочайшего и сейчас немыслимого духовного могущества и духовной культуры». К Индии поэт обращается и в поэме «Погорельщина»: соборный православный храм как символ соборности в сказочном индийском городе напоминает московский храм Василия Блаженного, хотя и поставлен он на «славном Индийском помории».

Белая Индия – один из сквозных образов поэзии Н. Клюева, который появляется и в его предсмертном цикле «Разруха». Поэт писал:

Дышу восковиной, медыню цветов
Сжигающих Индий и Волжских лугов!

Как правило, образ Индии и индийские мотивы всплывают в его поэзии в связи с таинственно-неисповедимой взаимосочетаемостью человека и мира, когда поэт хочет выразить идеи космического сознания всеединства и вселенского братства, ставшие близкими ему, возможно, под влиянием Н.Ф. Федотова. И тогда в его стихах они причудливо соединяются с эсхатологией русских староверов:

Под древними избами, в красном углу,
Находят распяты, алтын и иглу —
Мужицкие Веды: мы распяты все,
На жернове – мельник, косарь – на косе...

Со временем наши связи с Индией становились все богаче и разнообразнее и все большую роль играли в них духовные традиции. Впрочем, не будем утомлять читателя перечислением индийских реальностей, отраженных в русской культуре за все истекшие века. Пожалуй, эта тема представляет скорее антикварный интерес, да и то для узкого круга специалистов. Нам же важнее отметить другое. В многовековом влечении к Индии были задеты разные струны российской жизни: и далеко идущие геополитические устремления российской державы; и извечное томление русского человека по раю и по земле обетованной; и глубокий духовный поиск; и таящаяся где-то в сокровенных недрах культуры прапамять о своих древних корнях, родственных с индийскими, о чем свидетельствует, в частности, стихотворение Н. Гумилева «Прапамять», фрагментарно приведенное в эпиграфе к третьей главе этой книги.

Что же видела или, точнее, хотела увидеть Россия в Индии?

А в Индии Россия, как и вся Европа, видела прежде всего страну чудес. От нее, «страны рахманов» древних русских книг, веет райским благоуханием: на деревьях там растут листья величиной со щит, и живут на острове «белые люди», не ведающие зла и имеющие особый внешний облик. Далекая заморская Индия в нашей отечественной традиции устойчиво олицетворяла образ дальних райских земель, куда неудержимо влеклась мысль тех, кто чувствовал себя стесненным обычным жизненным «коридором». Кажется, ни в какие, даже самые тяжелые, периоды нашей истории не смотрела Россия на Индию недобро, исподлобья и не воспринимала ее в минорно-мрачных тонах. Напротив, ее всегда видели окрашенной в яркие и сочные, неземные цвета. В популярном лубке с рассказом о птице Сирий пояснялось: «В стране индийской, ближайше расположенной к месту райскому, бывает, является птица...» Образ далекой Индии сливался с образом рая и в духовных стихах русских странников, бродивших по родным пыльным дорогам. И как в райскую обитель не стремятся при жизни, так и в Индию даже не пытались попасть авторы древнерусских сочинений.

Индия связывалась с непостижимо далеким пределом, краем земли, где «соткнуся небо с землею». Добраться туда невыносимо трудно: «в тое землю трудно дойти человеком...» Даже богатырю Еруслану Лазаревичу понадобилось почти полжизни, чтобы достичь индийской земли, что уж говорить о простых смертных! А уж чудес там – и не пересказать! И магнитная гора там есть, которая выдергивает гвозди из проплывающих мимо кораблей, так что они разваливаются на куски. И озера там плещутся с живой водой: бросишь сушеную рыбу, а она оживает и уплывает! И деревья говорящие там растут: на закате предсказывают судьбу человеческую. Но самое главное тамошнее чудо – люди: то рогаты, то трехноги, то четверо-руки; то полупсы, то полукони, то полуптицы; и очи-то у них на плечах, и женщины рожают сразу по пятнадцати детей! Ну а уж о богатстве и говорить нечего: золота, серебра да камней драгоценных там видимо-невидимо!

И, конечно, издавна в России видели Индию страной мудрецов. Говорили же об Индии на Руси главным образом в связи с умозрительными, духовными темами. Не случайно упоминалась она во множестве «космографий», например в «Луцидарусе», то есть в беседе учителя с учеником о вещах возвышенных, о небесах и земле и т. п.

С практическими делами, с политикой и даже с путешествиями Индия в первые века знакомства с ней России не связывалась. Даже всем хорошо известный Афанасий Никитин в XV в. вовсе не намеревался забираться «за три моря» и потом описывать свое «хождение». Он отправлялся из Твери торговать на Кавказ, но его, как и его товарищей, ограбили в Астрахани; хорошо еще, что не убили, а отпустили «голыми головами». Ему ничего не оставалось, кроме как идти «куды его очи понесли», а они понесли его дальше на юг: надо же было как-то поправлять свои дела. Так он неожиданно для себя и оказался в Индии. И хотя потом Афанасий Никитин описал Индию вполне обыденно, поколебав многие привычные представления о чудесах, к этой стране продолжали относиться по-прежнему.

Такая картина сохранялась примерно до XVII в., когда стали проникать в нашу страну и осмысливаться реальные факты и свидетельства. Постепенно наше отечество, как и весь Запад, открывало для себя и уникальные индийские экзотические искусство и литературу, и яркий мир необычных вещей, и, конечно, индийскую мудрость. В конце XVIII в. в России уже был переведен философский трактат «Бхагавадгита», а в XIX–XX вв. публиковались ведийские гимны, пураны, эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна». Русские читатели были знакомы с «Жизнью Будды» Ашвагоши и с произведениями крупных мыслителей современной Индии – Рамакришны и Вивекананды. В Индии почувствовали не только сказочность и неизбытность чуда, но и безбрежную мудрость, восприняв ее как неоспоримого «Учителя человечества».

«Чему может научить нас Индия?» – спрашивал около века тому назад профессор Оксфордского университета востоковед Макс Мюллер. «Если бы я, – писал он, – сам задал себе вопрос, из какой литературы мы, европейцы, воспитанные почти исключительно на идеях греков и римлян, а также одной из семитических рас – евреев, можем почерпнуть те коррективы, которые наиболее желательны, чтобы сделать внутренний мир человека более совершенным, более обширным, более объемлющим и, в сущности, более человечным, обращенным не только к этой жизни, но и к жизни вечной, – я опять-таки указал бы на Индию». Вопрос о том, чему может научить Индия, занимавший многих западных искателей истины, далеко не праздный; он остается актуальным и сейчас, и настоящая книга – результат размышлений об уроках Индии.

Между тем индийский экзотический мир неудержимо прорывался в Европу разными путями: через коллекционеров и любителей древностей, через оккультизм и охотников за восточной экзотикой и, конечно, через востоковедную науку, зародившуюся у нас, впрочем, довольно поздно, в XIX в.

Но шли все эти сведения в Россию в основном через Европу. Еще в конце XVIII в. единственным русским человеком, который самостоятельно занимался Индией, был Герасим Степанович Лебедев. Музыкант по профессии, он в 1777 г. выехал за границу в свите известного меломана графа А.К. Разумовского, попал в 1785 г. на корабле Ост-Индской компании в Индию и занимался там несколько лет с индийцами. Книга, написанная им, – первая на русском языке, – называется «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев». Она вышла в Санкт-Петербурге в 1805 г. Г. Лебедев писал в ней: «Главным для меня предметом было проникнуть в нравы жителей, а с тем вместе приобрести нужные сведения в их языках и учености, в чем я получил посильный успех». Читатели этой книги могли впервые основательно познакомиться с главной религией индийцев, индуизмом, в котором Г. Лебедев усматривал глубокую близость с христианством: индуистский Брахма, по его мнению, не что иное, как единый Бог, подобный христианскому; все же прочие индуистские боги подобны ангелам, а богиня Кали, или Дурга, – Премудрость Божия, и изображение ее почти ничем не отличается от образа христианской Матери Божией, если не считать того, что лицо у нее черное. Сходство между русскими и индийцами Г. Лебедев усматривал не только в религии, но и в обычаях, языке и происхождении и считал, что англичане, монополюно изучавшие Индию, не в состоянии «без помощи других в ту сокровенность, которую создатель насадил в черных лицах, проникнуть».

В наше время все эти прежние духовные устремления к Индии наполнились новой силой. На заре ушедшего XX в. зазвучал целый хор одних только поэтических голосов, славящих Индию: И. Бунин, К. Бальмонт, В. Брюсов, Вяч. Иванов, Н. Гумилев, М. Цветаева. Некую общую и извечную российскую ноту духовного тяготения к Индии выразил Н. Клюев:

Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.

Но не только в «тулупной мгле» мужицкой, крестьянской России грезили о далекой райской Индии. Имперское влечение на Восток всегда жило и на вершине социальной пирамиды. На рубеже XVIII и XIX вв. оно увенчалось путешествием на Восток цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II. В раритетном трехтомном издании «Путешествие Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. 1890–1891 гг.», выпущенном знаменитым Брокгаузом, описаны впечатления, полученные цесаревичем и его спутниками, об общей тональности которых говорит эпиграф:

Восток во всей красе: недвижный, роковой,
Из тонкой ткани лиц, одежд и украшений,
Куруется словно дым преджертвенной волной,
Проходит словно ряд сверхчувственных видений.

На этом «недвижном» и «роковом» Востоке Индия, кажется, больше всего поразила родственностью некоторых сторон своей жизни с крестьянской Россией: «Желанная, далекая, утомительно-длинная Индия... У многих туземцев, мужчин и женщин, в общем есть что-то, напоминающее наше простонародье: красный излюбленный цвет одежды, по-бабьему повязанные платки, оклад лица – отчего в иных подробностях чудится нечто, знакомое и близкое по духу? Разве все одна случайность, разве нет никаких оснований предполагать, что мы еще мало изменены западной культурой, а они, застывшие в почти доисторической старине, не только нам братья по крови, но и братья по наложенному на нас и на них внутреннему отпечатку?» Любопытно, что и в этой книге есть слова об «индийском рае».

Обостренный интерес к Индии вовлек в свою сферу Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького – людей глубокого нравственного поиска. В «Круге чтения» Л.Н. Толстого и в его дневнике собрано много изречений, афоризмов индийских мыслителей. Известно, что восстание сипаев в 1857 г. вызывало у него сочувствие, а жестокость англичан-карателей – негодование. Известно также, что он переписывался с М. Ганди, читал индийские газеты и журналы, редактировал и переводил труды индийских авторов, изучал эпические произведения «Махабхарату» и «Рамаяну», наконец, написал для русских читателей биографию Будды.

К Индии и Тибету обратилась и Е.П. Блаватская, писательница, журналистка, путешественница и основательница Международного теософского общества. Она была неординарной личностью и вызывала к себе прямо противоположные чувства – от ненависти и презрения до обожания и преклонения. К ней можно относиться по-разному, но нельзя отрицать, что с ее именем связан целый пласт отечественной духовной культуры и что значительное место в нем отведено Индии.

Но, пожалуй, ни одно имя не связано так прочно с Индией, как имя семьи Рерихов. «Притягивает великий магнит индийский сердца русские, – писал Н.К. Рерих, выразив настроение того времени. – Ясно, что если углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрет многое, что нам так близко. Обычаи вымирают, быт заполняется усовершенствованиями, гробницы и храмы оседают и разрушаются... Через Византию грезилась нам Индия; вот к ней мы и направляемся...» – эти слова были сказаны человеком, которого одни называли мистиком, другие пророком, но который в нашей стране все-таки больше известен как художник и, к сожалению, меньше как мыслитель. И в том и в другом качестве он глубинно связан с Индией, и на этой связи стоит остановиться подробнее: она может показать, чем же именно притягивал и притягивает «великий магнит индийский сердца русские».

Сам Н.К. Рерих усматривал красоту «индо-русского магнита» прежде всего в сердечных узах: «Тянется сердце Индии к Руси необъятной... Дело не в политике, а в живых душевных человеческих отношениях. Не прочны швы политические, то и дело лопаются и являют отвратительные прорехи. Другое дело прочные сердечные узы. Чем древнее они, тем краше... Сердце сердцу весть подает».

Николай Константинович вспоминал, что его связь с Индией наметилась с самого детства: по соседству с родовым имением Извара, в названии которого ошутимо мерцает санскрит, в екатерининские времена жил индусский раджа, и следы его парка сохранялись еще долго. А в доме висела картина, на которой была изображена величественная гора, неизменно привле-

кавшая внимание мальчика; как потом выяснилось, это была знаменитая Канченджанга. Позже Индия вошла в его жизнь и яркими художественными образами, и глубокими духовными озарениями. Художник написал: «Заманчив великий индийский путь...»

Вспомним, как славянофилы считали, что «с Востока широкое поприще открывается для зиждательства нашему национальному духу...» Лучшие умы верили, что проблема безбожного человечества на Западе и бесчеловечного божества на Востоке разрешится, наконец, в российском синтезе. Так что устремление семьи Рерихов в Индию и их страстное желание соединить отечественную духовность с лучшими накоплениями Востока находилось в русле напряженных исканий российской мысли. Они полагали, что их долг перед отечеством – выполнить завет родной культуры и приблизиться к общим духовным истокам.

И началось их длительное погружение в индийский духовный космос: «Уже давно мечтали об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии. В интимных беседах часто устремлялись к колыбели народной, а нашего славянства в частности... Во всем чувствовалось единство начального пути». Они нисколько не сомневались: «Красота заложена в индо-русском магните». Каждый в этой удивительной семье шел своим путем, а все вместе они складывали удивительный узор на пути неустанного духовного поиска.

Ведущей была Елена Ивановна. Н.К. Рерих позже написал: «Остра и необычайна деятельность нашей вдохновительницы». На первых порах она увлеклась чтением наивно-экзальтированной литературы, наподобие на шумевшей в то время книги йога Рамачараки, под интригующим индийским псевдонимом которого скрывался вполне деловой американец Аткинсон. Потом пришли более серьезные книги, в их числе – работы Вивекананды, возглавившего движение «Миссии Рамакришны», которое развернулось с 1897 г. А еще позже началась работа по внутренней трансформации сознания...

Илл. 1. Пилигримы совершают ритуальный обход горы Кайласа

Супруги ставили перед собой обширные просветительские задачи и даже предпринимали шаги по созданию в Санкт-Петербурге Индийского музея. Мечтали они и об индусском храме в Петербурге. Идею перевезти его в северную столицу высказал Ф.И. Щербатской, известный отечественный буддолог; этот храм должен был составить прекрасное дополнение к уже имеющемуся здесь «восточному набору» – мечети и буддийскому храму. Идея всерьез обсуждалась, и дело было даже начато, но помешала обычная волокита и отсутствие денег на транспорт.

Николай Константинович посвятил Индии многие очерки и картины еще в начале века, до поездки в эту страну, которая неодолимо влекла его с детства. Рерихи долго и тщательно готовили свою Центральноазиатскую экспедицию 1923–1928 гг., частью которой было и исследование Индии.

Не будем забывать, что Россия тогда находилась на грани Первой мировой войны, революции и тех бедствий, которые наступили после. «Двадцатый век. Еще бездомней, еще страшнее жизни мгла...» – написал Александр Блок, а Рерих назвал это время «армагеддонными днями». Именно в такой тревожной и трагической тональности многие воспринимали начало XX в. И Николай Константинович, с его глубокой интуицией и ясным умом, и Елена Ивановна, с ее мистически-обостренным восприятием происходящего, полагали, что кризисная тупиковая ситуация в Европе связана прежде всего с обнищанием духа и с досадным самообольщением европоцентристки-высокомерного ума, безоглядно устремившегося по пути техногенной цивилизации. Нет, не справиться с этим кризисом ограниченному западному гуманизму с его индивидуалистическими ценностями. Выход из гнетущего кризиса – в духовном преображении, а оно возможно только на основе синтеза всех накопленных человечеством знаний, в том числе и знаний о той «тонкой реальности», которая и составляет сущность человека. Хранителем этих знаний является Восток, в особенности Индия. В таком соединении глубокой созерцательной духовности Востока и практической активности западной мысли и видели Рерихи особую миссию России, а также и свою собственную.

Эту миссию они приняли глубоко в сердце: мысль о широких культурных контактах между народами была им всегда близка. В 1913 г. в дневнике Николая Константиновича появляется первая запись о «великом индийском пути». Они стали собирать самые разные сведения об Индии. Николай Константинович усердно изучал историю, этнографию и археологию, а Елена Ивановна – религию и мифологию. Не пропускали они сведения и о том, как русские сектанты уходили искать счастья в неведомые восточные земли. Во время этих поисков они обнаружили много интересного, например поразительное сходство русских сказаний о Беловодье и восточных легенд о священной азиатской Шамбале – воплощении народных мечтаний о невидимой духовной основе мира. Но миссия сближения двух культур, русской и индийской, не может основываться только на мертвом книжном знании; тут требуется живое, непосредственное проникновение в сокровищницу духа.

И начался их весьма непростой путь «в сердце Азии».

Революционные события 1917 г. застали семью Рерихов с двумя детьми, Юрием и Святославом, в Карелии: Николай Константинович заболел тяжелым воспалением легких, и «карельские снега» помогли ему «переломить отвратительную пневмонию». После революции Карелия как часть Финляндии стала зарубежьем, а революционный Петроград остался за границей. Среди безмолвной и величественной северной природы у супругов окончательно вышло решение – совершить большое путешествие в Индию, Тибет и Монголию. Но экспедиция, трудоемкая и дорогостоящая, требовала долгой и тщательной подготовки. К тому же Рерихи стали теперь людьми из «красной республики», и их поездка в колониальную Азию воспринималась в странах-метрополиях без всякого энтузиазма.

Вот почему первым шагом на пути в Индию стала поездка в Англию в 1919 г. Родители готовились к исследовательской работе на Востоке, устанавливали необходимые знакомства, налаживали связи, устраивали выставки, а дети продолжали образование в столичном универ-

ситете. Вторым шагом стала поездка в Америку. Турне по США с выставкой картин проходило с триумфальным успехом, а это позволило откладывать деньги на поездку на Восток. И вот, наконец, в 1923 г. они вступили на индийскую землю. Еще раньше, в Париже, к родителям присоединился Юрий: одаренный полиглот, к тому времени он завершил востоковедческое образование в Сорбонне. Святослав же остался учиться в Гарварде и вести некоторые организационные дела.

Экспедиция продолжалась пять лет. Состав ее менялся, но Николай Константинович, Елена Ивановна и Юрий оставались ее стержнем от первого до последнего дня. Они прошли путь в 25 тысяч километров и побывали не только в Индии, но и в Тибете, Китае, Монголии. В Дарджилинге состоялась встреча Рерихов с их духовными учителями. Позже они вспоминали: «Люди, встречавшие в жизни учителей, знают, как просты, и как гармоничны, и как прекрасны Они». В Индии Рерихи пошли путем Будды, проповедовавшего «четыре благородные истины». Храмы Индии, брахманские обряды, фантастическая яркая одежда, живые мифы, многочисленные праздники, образцы народного творчества – эта пестрая и многообразная стихия, как бурная река, увлекала путешественников. Йоги и паломники, торговцы и ученые-пандиты, крестьяне и разбойники – вся многоликая Индия прошла перед их глазами. Они объехали все главные достопримечательности Индии – Элефанту, Фатехпур Сикри, Агру, Сарнатх, Бенарес и многое другое; установили связи с семьей Тагора и другими представителями философской мысли; завязали дружбу с художниками и устраивали выставки картин. Потом последовала экспедиция в Центральную Азию, и в мае 1928 г. после неудачной попытки попасть в Лхасу в Тибете Рерихи вернулись в Дарджилинг.

После возвращения из экспедиции семья Рерихов на долгое время захотела сделать Индию своим пристанищем и купила себе дом в предгорьях Гималаев в долине Кулу. Когда-то этот дом был собственностью местного раджи; из его окон была хорошо видна Канченджанга, та самая, с которой все началось в далеком детстве... Долина Кулу – место легендарное. По преданию, мудрец Вьяса в древние времена сочинял здесь великий индийский эпос «Махабхарату», сказание о великой битве потомков Бхараты. Рассказывали, что побывали в этих местах Будда и Падмасамбхава, буддийский проповедник. За годы экспедиции Рерихи собрали огромное количество редких книг и рукописей, археологических находок и предметов искусства, культовых изображений и икон, трав и минералов.

Для изучения этих обширных коллекций они создали институт Урусвати, что значит «Свет утренней зари». На посту директора трудился Юрий Николаевич Рерих, ставший к тому времени ученым с мировым именем. Институт был задуман как международный центр, где будут представлены все виды наук, причем они не будут раздроблены на отдельные тупиковые отрасли, а все вместе осуществляют целостный, одухотворенный подход к комплексному изучению человека. Сотрудниками института были Альберт Эйнштейн, Николай Вавилов, Луи де Бройль и другие весьма известные личности. Здесь же, в долине Кулу, Николаем Константиновичем были созданы сотни великолепных полотен, воспевающих красоту гор, а Еленой Ивановной написано множество книг и статей, зовущих дух к горным высям. Рядом бок о бок с родителями трудились их сыновья: Юрий занимался востоковедением и делами института, а Святослав – живописью.

Эта семья была окружена в Индии не просто уважением, но глубоким почитанием. Николай Константиновича именовали «гуру-дэв» или «махариши», то есть «божественный учитель» или «великий мудрец», а Елену Ивановну считали воплощением Белой Тары, одной из буддийских богинь. Они собирались вернуться на родину и принести ей в дар плоды своих трудов. Уже были упакованы чемоданы, но в разгар этих хлопот в 1947 г. умер Николай Константинович. Он похоронен там же, в долине Кулу...

История имеет обыкновение повторяться. И сейчас – то же упоение достижениями технологической цивилизации, часто калечащими души, что и во времена Рерихов. В этой связи трудно

не согласиться с М. Элиаде, считавшим главным событием XX в. открытие неевропейца и его духовного мира, а потому уповавшим на историю религий как на силу, способную произвести подлинную интеллектуальную революцию. «Мотивировка проста, – писал он, – история религий затрагивает самое существенное для человека – его отношение с сакральным. История религий может сыграть крайне важную роль в наступившем кризисе. Кризисы современного человека носят по большей части религиозный характер – в той мере, в какой они являются осознанием отсутствия в жизни смысла. Когда у человека появляется чувство, что он потерял ключ к своему существованию, когда он больше не знает, зачем жить, тогда это целиком религиозная проблема, потому что только в религии – ответ на главный вопрос: в чем смысл существования?.. В этом кризисе, в этом дисбалансе история религий – как Ноев ковчег, груженный мифологическими и религиозными традициями. Так что я вполне верю в царственную роль этой „всеобъемлющей дисциплины“. „Научные публикации“ составят резерв, в котором будут „закамуфлированы“ все традиционные религиозные ценности и модели. Отсюда – мои постоянные попытки сделать очевидной знаковость религиозных фактов».

Автору этой книги остается лишь с готовностью подписаться под словами М. Элиаде. Главное устремление, которым продиктована эта книга, – познакомить российского читателя с некоторыми духовными накоплениями Индии в надежде, что знакомство это сможет помочь по-новому взглянуть на внутреннюю, духовную и внешнюю, социальную жизнь человека, взяв за шкалу сравнения индийскую духовность, где смысл и правда человеческого бытия всегда заключались в неискоренимой религиозной традиции. Может быть, многие истины и ценности прошлого, сохраненные в Индии, помогут нам сейчас иначе взглянуть на нынешнее тупиковое техногенно-потребительское движение, захватившее нашу цивилизацию, и на нас самих, крутящихся в неумолимом водовороте этого движения.

М.Ф. Альбедиль

Автор выражает глубокую признательность всем, кто так или иначе способствовал выходу этой книги в свет, особенно

за подбор иллюстраций Т.А. Дубянской (преподавателю кафедры индийской филологии ИСАА при МГУ),

А. М. Дубянскому (доценту кафедры индийской филологии ИСАА при МГУ), Г.В. Стрелковой (доценту кафедры индийской филологии ИСАА при МГУ),

В. А. Снатенкову (путешественнику и фотографу) за любезно предоставленные собственные фотографии,

а также за любезно предоставленные материалы журналу «Индия. Перспективы», издаваемому Министерством Иностранных дел Индии.

Глава 1

МИР ИНОЙ, НЕПОХОЖИЙ И СТРАННЫЙ

*Сколько тело миновало рождений,
И смертей, и веков, и рас,
Чтоб понять: мы земные сени
Посещаем не в первый раз.*

*Эту память поднять, как знамя,
Не всем народам дано:
Есть избранные древней памяти,
Отстоявшейся, как вино.*

*Им не страшны смертные воды,
Заливающие золотой путь...
Как светло у такого народа
Глубокая дышит грудь!*

Д.Л. Андреев

Современные философы придумали удобный термин – «озадачивающие явления». Он применяется для обозначения тех случаев, с которыми нам иногда приходится сталкиваться и которые ставят нас в тупик, потому что расходятся с нашими привычными знаниями о мире. Эти пресловутые «озадачивающие явления» противоречат принятым взглядам, а порой даже кажутся странными, головоломными, аномальными. Словом, они выходят за пределы нашего разума.

Задолго до современных философов Козьма Прутков выразил ту же самую мысль со свойственным ему афористичным блеском: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий». Примером подобного «озадачивающего явления» вещи, «не входящей в круг наших понятий», может служить классическая история о короле тропического Сиам, который отказывался верить путешественнику, приехавшему издалека и утверждавшему, что в тех странах, которые он посетил, реки и озера в определенное время года становятся твердыми. Король, проживший всю жизнь в жарких тропиках, не имел ни малейшего понятия о том, что такое мороз и как он действует на воду. Нетрудно представить себе, что если бы он увидел замерзшую реку своими глазами, то был бы немало озадачен, то есть как раз столкнулся бы с «озадачивающим явлением». Эти явления, таким образом, по выражению американского философа Н. Решера, «суть явления познавательного диссонанса. Они представляют такие ситуации, каких, если исходить из имеющегося представления о порядке вещей в мире, просто вообще не должно быть».

«Явление озадачивающее» – не обязательно новое. Главный его признак – не новизна, а конфликт с нашим объяснительным пониманием. И хотя «озадачивающие явления» обычно вызывают у нас дискомфорт, нам приходится как-то сосуществовать с ними. Обширный ряд примеров таких явлений дает столкновение разных культур и цивилизаций. Например, арабы-кочевники были поражены успехами греческой медицины, вылечивавшей болезни, которые сами арабы расценивали как проявление непостижимых и неподвластных человеку сил.

Читатель, взявший эту книгу в руки с намерением ее прочесть, должен подготовиться к встрече с немалым числом таких «озадачивающих явлений». Вспомним, как Афанасий Никитин, сходящий «за три моря», не уставал удивляться тому, что он увидел в Индии: и ходят-то там наги, но в драгоценностях; и едят правой рукой, ложки не знают; и коней в их землях не водятся. Эллинов удивляло, что в Индии растения движутся, как животные (дерево баньян

и впрямь напоминает застывшую на бегу сороконожку), а животные (змеи) безноги и похожи на ползающий ствол, и вообще человек почему-то не является царем зверей и всей природы.

Другие народы тоже находили в Индии немало удивительного. Но нас в первую очередь будут интересовать не чудеса природы и не архитектурные изыски, хотя их в Индии немало, а духовная культура, ибо, как заметил оригинальный современный мыслитель Г. Гачев, Индия – это «духовный узел земли», и вряд ли кто-нибудь станет это оспаривать. Индия – это не просто имя страны, а, по выражению А. Тойнби, «целый мир сам по себе».

Первая часть настоящей книги как раз для того и написана, чтобы читатель, выросший в ином культурном и духовном климате, нежели индийский, и располагающий иным арсеналом образов и понятий, входя в этот новый мир, подготовился к ожидающей его непохожести и «озадачивающим явлениям». Надеюсь, уважаемый читатель, сталкиваясь с подобными феноменами, не будет спешить воспринимать их с позиций оборонительного рефлекса или враждебности, отвергающей все с порога.

«Скрижали природы»

Западный человек, одержимый ненасытным фаустовским духом, вечно жаждущий новизны и удовольствий, так привык постоянно устремляться к победе над природой, и внешней, и внутренней, что, кажется, давно и прочно забыл о своей неотторжимой зависимости от нее. Между тем эта зависимость существует; ее никто, нигде и никогда не отменял, причем важна она не только для отдельного человека, но и для целого народа. Общеизвестно, что с самого своего возникновения каждый народ многообразно взаимодействует с природой, преобразует ее, приспособливает к себе, но и сам испытывает сильное ответное воздействие. Этим и объясняется давно замеченная связь национального характера и пейзажа: пейзаж был и остается способом пространственного выражения национального характера, духовных качеств народа. Без особых натяжек можно сказать, что пейзаж – зеркало народа и его исторической судьбы. И потому не случайно, как верно подметил Г. Гачев, в «скрижалях природы» записано, «какая именно работа задается от бытия данному народу в данной стране на его историю и какое трение преодолевать... ибо в жизнеустройстве в зависимости от склада стихий и протекает труд и цивилизация людей на данном месте природы».

Ярким свойством индийской культуры, как, впрочем, и русской, было пейзажное мышление, способность воспринимать духовные понятия в ландшафтных формах. «Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли...» – писал Н. Бердяев. Перефразируя его, можно сказать, что пейзаж индийской души также соответствует пейзажу индийской земли. И в Индии, и в России природа диктовала свои законы истории, типу культуры и типу личности. Об этом много размышлял один из самых ярких мыслителей прошлого века Петр Яковлевич Чаадаев. Он писал: «Вся наша история – продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел». И еще он говорил: «Россия – факт географический», имея в виду, что географический фактор «властно господствует над нашим историческим движением» и красной нитью проходит через всю нашу историю, что он содержит в себе и всю ее философию, проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер. В значительной степени «фактом географическим» является и Индия: жизнь людей и жизнь природы соединялась в ней множеством тонких и сложных связей.

Что же записано на скрижалях индийской природы? Какая работа была задана Индии от ее природного бытия? Ответить на этот, казалось бы, нехитрый вопрос не просто, во всяком случае, однозначно это сделать невозможно. Дело в том, что природа в этой стране поразительна, многообразна, чарующа и щедра на самые невероятные проявления своей необузданной мощи, как созидательной, так и разрушительной.

Илл. 2. Ладакх – местность на крайнем севере Индии (штат Кашмир) – знаменит своим суровым климатом. Это один из центров индийского буддизма

Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, как особо выделен индийский субконтинент самой природой: с севера он огорожен Гималаями, а с востока, запада и юга окружен водами – Бенгальским заливом, Аравийским морем и Индийским океаном. Природа словно распорядилась: жить Индии жизнью «великолепного одиночества». Эта изоляция была одной

из причин яркой самобытности индийской культуры. К тому же естественные границы сыграли серьезную роль в истории страны хотя бы потому, что всегда охраняли ее от иноземных вторжений, но, конечно, полностью их не исключали. На северозападной стороне гималайской «стены» есть несколько доступных перевалов: Хайберский, Гумальский, Боланский и другие. Через них шли в Индию в древности и в средние века арии, персы, скифы, гунны, арабы, афганцы, монголы, а затем, уже в новое время, европейские завоеватели: португальцы, голландцы, французы, англичане. Большая часть из этих многочисленных волн завоевателей вошла в состав индийских народов. Теми же путями отправлялись в дальние края благочестивые пилигримы и мирные торговцы, знакомившие с индийской культурой евроазиатский континент. Купцы везли из Индии на запад главным образом предметы роскоши: тончайшие ткани, охотничьих собак, мускус, нард, самоцветы, жемчуга, эбеновое дерево, пряности и многое другое. Трудности преодоления горных перевалов не останавливали трансгималайскую торговлю: здесь проходила одна из ветвей Великого шелкового пути – по дороге из Восточного Туркестана в Кашмир через перевал Каракорум. Таким образом можно сказать, что северо-западная граница Индии не столько отгораживала ее от внешнего мира, сколько служила установлению контактов, хотя роль этого рубежа как изолирующего фактора постоянно ощущалась.

Никогда – никогда! – индийцы не ходили в чужие земли с завоевательными походами. Это обстоятельство поразило грека Страбона, узнавшего о нем со слов другого грека, Мегасфена: «Ведь никогда индийцы... не посылали своего войска за пределы страны», – озадаченно восклицал он, не подозревая, что так будет продолжаться на протяжении всей истории существования Индии. Это отнюдь не означает, что в Индии не было войн. Они были, и не менее жестокие и кровавые, чем в других местах земли. Но вели их индийцы всегда только на своей – подчеркиваю, своей! – земле. Земля же эта совершенно особая, что тонко почувствовал Р. Роллан: «Если есть на земле страна, где нашли место все мечты людей с того дня, когда первый человек начал сновидение жизни, – это Индия».

Что же представляет собой природа этой страны? Двигаясь по Индии от Гималаев к югу до мыса Коморин – крайней южной точки Индии, мы пересечем самые разнообразные ландшафты. Первой на нашем пути встретится территория, где складывалась система реки Инд, давшая имя стране (сейчас это часть Пакистана). В древности здесь сложилась великая, мало известная цивилизация, о которой читатель сможет узнать в главе «Золушка древнего мира». На равнинах, орошаемых пятью притоками Инда – Джеламом, Ченабом, Рави, Беасом и Сатледжем, четыре-пять тысяч лет тому назад процветали города, от которых сейчас остались лишь одни развалины, погребенные под кучами песка.

Илл. 3. Река Кангер в округе Бастар

Унылая пустыня отделяет бассейн Инда от бассейна Ганга, или, как говорят сами индийцы, Ганги. Здесь, в междуречье Ганги и ее притока Джамны, находилось сердце Индии – область, известная под названием Арьяварта, «страна ариев»; именно в этом краю складывалась классическая культура Индии. К югу от великой Индо-Гангской равнины, которая на протяжении веков была фокусом притяжения для многих народов, простирается возвышенность, смыкающаяся с горами Виндхья.

Эти горы – естественный барьер между севером и югом, между Хиндустаном и Деканом. Большая часть Декана – засушливое холмистое плато, ограниченное с двух сторон западными и восточными Гатами, сравнительно невысокими горными цепями. На юге живут дравидские народы; их языки не родственны индо-арийским языкам севера, а их самобытная самостоятельная культура, никогда полностью не сливавшаяся с культурой севера, во многом представляет собой уникальное явление. Географически остров Шри-Ланка во многом напоминает Южную Индию; их горы и равнины имеют немало сходных черт. Близки и народы, населяющие их, – сингалы и дравиды.

Пересекая Индию с севера на юг, можно увидеть все великолепие природы в ее чарующей игре и чудесных превращениях: снег на вершинах гималайских гор и множество оттенков зеленого цвета тропического леса; уныло однообразные равнины Пятиречья и плодородную долину Ганги с буйной растительностью; суровые плоскогорья Южного Декана и благоухающие горные леса. Правда, за многие века существования индийской цивилизации ее природа так «освоена» человеком, что представляет собой по большей части типичный «антропогенный ландшафт», но следы былого великолепия тем не менее очевидны.

Как ни тривиально звучит утверждение, что природа вдохновляет поэтов, художников и композиторов, тем не менее это ее свойство на XXIII Международном географическом конгрессе было отмечено специальным научным термином «вдохновляющие ресурсы». Такими ресурсами Индия всегда была чрезвычайно богата, и с глубокой древности поэты упоенно воспевали ее пестрые усладительные леса, журчащие реки с прозрачной водой и деревья в

благоухающих цветах. Такой природой нельзя не восхищаться, ей нельзя не поклоняться, и потому ничуть не кажется удивительным, что индийская земля и все земное вдохновляли поэтов-риши, творцов древних ведических гимнов, певцов божественного. Что, как не любовное созерцание земли и неба могло породить такие, например, строки из «Ригведы» (IV.51), воспевающие рассвет и богиню зари Ушас¹:

Вот зори подняли свое знамя.
В восточной стороне пространства они украшаются светом,
Начищая себя до блеска, как храбрые воины – оружие.
Алые коровы возвращаются, матери.

Вверх внезапно взлетели алые лучи.
Зори запрягли алых коров, легко запрягаемых.
Зори создали свои знаки, как прежде,
Алые, они направили сверкающий свет.

Она увешивает себя украшениями, как танцовщица.
Она обнажает грудь, словно корова – вымя.
Создавая свет для всего мира,
Как коровы – загон, Ушас раскрыла мрак.

Пленительны не только пространственные изменения природы, связанные с разными географическими поясами, но и временные, если иметь в виду калейдоскоп сменяющихся красок в течение годового круговорота. Блистательному индийскому поэту V в. Калидасе, жившему в эпоху Гуптов – «золотого» века классической индийской культуры, – приписывается поэма «Времена года», в песнях которой живописуется несравненное великолепие индийской природы во всех ее превращениях.

Первая песня посвящена самому жаркому периоду, лету, когда все томится от безжалостного, иссушающего зноя, земля трескается от невыносимого солнечного жара и сильный ветер вздымает столбы пыли. Животные, как и люди, изнемогают от жары, забыв об извечной вражде: львы не преследуют слонов, спасающихся от зноя в пруду; змея свернулась в тени хвоста павлина, и птицы задыхаются в выгоревшей листве на ветвях деревьев. Только ночью, когда месяц рассеивает тьму, можно ощутить прохладу, освежить себя купанием, сандаловыми притираниями, цветочными гирляндами и лунными камнями. Девушки оведают себя благоуханными веерами, и, глядя на лики прекрасных дев, луна стыдливо прячется за темными тучами.

Но вот, словно царь, приходит долгожданный сезон дождей, и вся природа оживает. Темные тучи подобны его ревущим яростным боевым слонам, молния – царскому знамени, а громовые раскаты – бою его барабанов. Павлины радостно танцуют при виде облаков, возвещающих начало сезона дождей, земля одевается в яркий зеленый наряд, реки наполняются бурлящей водой и устремляются к океану, как девы, опьяненные любовью, к своему возлюбленному. Вершин гор касаются белые, как лотосы, облака; по их склонам стремительно несутся вниз дождевые потоки; павлины пляшут от радости – эти горы своим видом порождают любовные чувства в сердцах людей. Осчастливленный дождем лес улыбается распутившимися яркими цветами, а женщины, украсив себя, отправляются при блеске молний на свидание со своими возлюбленными. Прекрасное время дождей радуется все живое своим свежим дыханием.

После сезона дождей, как юная невеста, приходит осень в наряде из цветов. Ее лицо – расцветший лотос, ликующие крики лебедей – ее браслеты, а молодой тростник – ее строй-

¹ Здесь и далее ведические тексты даны в переводах Т.Я. Елизаренковой.

ный стан. Природа одевается в белый наряд: земля бела от цветов, реки – от лебедей, ночи – от лунных лучей. В индийской лирике прекрасная природа часто сравнивается с красивой женщиной, но прекрасная лотосоликая осень, с голубыми глазами-лилиями, в белом платье из цветов, несравненна и затмевает любую женскую прелесть.

На смену осени приходит зима. Созревает зерно в полях, туман покрывает землю, и выпадает снег. Женщины снимают с себя увядшие венки и ищут тепла в объятиях любви. Люди укрываются от холода в домах и греются у очагов. Мир неподвижен и покрыт снегом.

Безрадостный холодный сезон сменяет весна – любимое время поэтов и влюбленных. Весенний период года приходит как воин, вооруженный луком: его блестящая тетива – цепочка выющихся в воздухе пчел, а стрелы – манго, пронзающие сердца, которые жаждут любви. В это время года над всеми царствует бог любви; ему подвластно все живое. Девушки умащают тело сандалом, надевают яркие шелковые платья и украшают благоуханные черные локоны цветами.

Калидаса описал времена года с таким любовно-проникновенным пониманием жизни природы и так лирично показал их через призму восприятия влюбленных, что один из исследователей его творчества, Райдер, справедливо заметил, что поэма могла бы называться «Календарь любви». Кажется, такое видение природы возможно только в Индии с ее неслыханным богатством изумительных пейзажей.

Но прекрасная и щедрая индийская природа поворачивалась к человеку не только благостными сторонами; она часто являла и свой устрашающий, гневный и коварный лик. Чего стоят, например, одни только ураганы и циклоны, которые нападают быстро и внезапно, сокрушая все на своем пути и оставляя жуткие сцены гибели и катастрофы, смывая до основания деревья и дома вместе с людьми, губя города, деревни, скот и посевы! Не менее страшны землетрясения, частые наводнения и засухи, которые случаются из-за недостатка дождя или позднего прихода муссона. Досаждают людям и капризный характер рек, способных менять свое русло часто и по разным причинам: иногда достаточно поваленного где-нибудь в горах ствола дерева, перегородившего течение, чтобы река потекла по другому пути и сообразно ее блужданиям людям приходилось переселяться.

Могучая сила природы помогает не только обильным урожаям культурных растений, но и бурному росту сорняков и джунглей, которые быстро наступают на поля и в короткий срок могут превратить их в дремучие дебри. Постоянной угрозой, с которой нельзя было не считаться, всегда являлись и животные, которые в изобилии водились в Индии: тигры топтали поля, грызуны расхищали зерно, птицы клевали семена. А если вспомнить еще и ядовитых змей и насекомых, укусы которых если не смертельны, то очень болезненны, то станет ясно, что жизнь индийцев в лоне этой великолепной природы всегда была далека от райской идиллии.

Между сельскими жителями, составляющими большинство населения страны, и миром дикой природы издавна сложились напряженные отношения. Освобождая земли под пашни, люди теснили животных, отбирая у них места обитания и водопои. Хищников становилось все меньше, но нередки были случаи их нападения на людей. Особенно досаждали дикие слоны, по ночам совершавшие набеги на деревни, топча, ломая и сметая все, что попадалось им на пути. Ничуть не лучше были львы, тигры и другие хищники.

Илл. 4. Мальчик-заклинатель змей с коброй на улице Махабалипурама. Сзади изображение рельефа со слонами

Может показаться странным, но среди этой безжалостной и дикой природы у людей возникла огромная любовь ко всему живому, принимающая порой гипертрофированные формы, а также утвердилось неукоснительное признание права всякого существа на жизнь. Эту черту народной психологии подметил К. Бальмонт, побывавший в Индии: «И если мать увидит на своем ребенке скорпиона, она лишь сбрасывает его на землю, не прерывая нить его жизни и не впутывая своего действия в сложный узор его мировых блужданий». Даже ядовитая кобра, случайно заползшая в дом, может не опасаться за свою жизнь: ее вежливо попросят выйти или вынесут за дверь. В сутолоке и суете любого города вполне уютно чувствуют себя дикие белки, ящерицы, павлины, мелкие пернатые и другие представители животного царства. И совсем как полноправные хозяева ведут себя обезьяны; для индийцев они – потомки Ханумана, легендарного предводителя обезьян, героя эпоса «Рамаяна».

Да и в самом деле, может ли иначе относиться к животным человек, который с детства убежден, что в одном из предыдущих или будущих рождений он и сам может явиться на земле в облике обезьяны, буйвола или козы, и который отнюдь не уверен, что мычащая во дворе корова не воплощает в себе дух его умершей родственницы? О священных коровах, чувствующих себя вполне спокойно в сутолоке больших городов и царственно ступающих по любым дорогам Индии, говорить нет нужды; это – факт общеизвестный. Европейцу и вообще западному человеку он кажется странным, но для индийца корова – наделенный величайшим значением религиозный символ: «Одной из важнейших сторон индуизма является защита коровы, – писал М. Ганди. – Для меня защита коровы – самое удивительное явление человеческой эволюции. Она возвышает человека над своим родом. Корова означает для меня весь мир, стоящий

в своем развитии ниже человека. Человеку предписано через корову осознать свое единство со всем живущим. Для меня ясно, почему корова была избрана для такого апофеоза. Корова была в Индии лучшим другом людей. Она дарила изобилие. Она не только давала молоко, но и делала возможным земледелие. Корова – это поэма сострадания. Каждый чувствует сострадание к этому кроткому животному. Корова – мать для миллионов индийцев. Защита коровы означает защиту всех бессловесных божьих тварей... Защита коровы – дар индуизма миру. И индуизм будет жить до тех пор, пока индусы будут защищать корову», – такие слова могли быть сказаны только в Индии, где с ведийских времен существование древних арьев было тесно связано с коровами: они давали основные продукты питания и считались главными источниками богатства.

Древние ведийские арьи вообще не проводили непреодолимой границы между животными и людьми: в «Ригведе» двуногие-двипады называются вместе с четвероногими-чатушпадами как равноправные представители живой природы. Богов молили главным образом об умножении стад, и войны велись ради угона стад (военный набег так и назывался – *гавишти*, то есть «добыча коров»). Корова уже тогда почиталась как священное животное (это почитание, видимо, восходило к индо-иранскому периоду), хотя запрет на ее убийство еще ясно не выражен, по крайней мере в X–IX вв. до н. э.). Судя по текстовым свидетельствам, убийство коровы стало караться смертью в период поздних вед в связи с появлением доктрины *ахимсы*, невредения или непричинения вреда всему живому. Коров приносили в жертву богам и награждали ими жрецов. Коровы заменяли деньги: ими рассчитывались при торговых сделках.

Но это еще не весь спектр, отражающий роль и место коровы в жизни древних арьев. В их поэзии именно корова была символом всего прекрасного, как это ни покажется странным и непривычным для нашего эстетического восприятия. Вероятно, для ведийского времени можно было бы выстроить целую галерею прекрасных священных коров, и украшениями этой галереи были бы Сурабхи, «Сладко пахнущая», Камадхену, «Корова желаний», и другие не менее божественные коровы. Мир коров, на санскрите – *голока*, осмысливался как небо Кришны и в поздней индуистской космологии. Со временем корова стала считаться воплощением божества, и все ее продукты рассматривались как священные. *Панчагавьям* (молоко, творог, масло, моча и навоз) расценивалось как сильное очистительное магическое средство и для людей, и для их жилищ.

Илл. 5. Пара Нагов. Мадхья-Прадеш, IX в.

Всесилие коровы, по убеждениям индусов, было таково, что она могла помочь даже в исправлении дурной кармы. Если рождался ребенок с неблагоприятным астрологическим прогнозом (например, ему на роду написано было стать преступником), то совершался специальный обряд, в котором главным «действующим лицом» являлась корова: ребенка обертывали тканью, привязывали к новому решету и проносили под коровой – сначала между задними, а потом между передними ногами в направлении ко рту и обратно. При этом читали соответствующие мантры, а отец имитировал поведение коровы и обнюхивал ребенка, как корова обнюхивает теленка. Словом, корова в индуизме, с древности и вплоть до настоящего времени, никогда не сходила с пьедестала божественного почитания. Здесь уместно вспомнить замечание английского ученого Макдонелла: ни одному другому животному человечество не обязано столь многим, как корове, но только в Индии ее роль в истории цивилизации получила достойное признание.

Все эти и им подобные яркие проявления неиссякаемой и необузданной природной мощи и изобилия дали индийцам возможность, вероятно как нигде в другом месте на планете, почувствовать мощное дыхание космоса, ощутить неотвратимую смену его вечных ритмов и понять свою нерасторжимую связь с той земной оболочкой, которую мы называем биосферой. Пожалуй, К.-Г. Юнг в числе немногих увидел в Индии главное: «Многое отмечено там печатью вечного бытия: желтые равнины, зеленые деревья-упыри, темно-коричневые гигантские валуны, изумрудные, покрытые водой поля. И все это далеко на севере обрамлено имеющей символическое значение границей – полосой льда и скал, этим неприступным, покрытым тайной барьером. Остальное движется, как в фильме, демонстрируя невообразимое богатство цветов и форм, пребывая в постоянном изменении, длясь несколько дней или несколько веков, но всегда по желанию природы меняясь, подобно сновидению, подобно изменчивой ткани майи».

Так сама природа в Индии позаботилась о том, чтобы человек увидел и почувствовал землю со всем произрастающим на ней как живое космическое тело и понял свою космологическую дополнительность по отношению к мировому целому. Вероятно, именно потому еще в архаической древности были заложены там глубинные основы космоизации миропонимания; позже эта устремленность к трансцендентности и стремление к космической гармонии прошли красной нитью сквозь философские, этические и иные установления всех индийских учений. На фоне величественной природы человеческая жизнь кажется бессмысленной и слишком суетной; она не может восприниматься иначе, чем брэнная и конечная. Мир же может видаться только как одушевленный от края до края, и потому индийцы в своих духовных исканиях сосредоточились на понятии единой силы, пронизывающей все сущее. Западный же дуализм духа и материи, творца и сотворенного, одушевленного и неодушевленного остался им глубоко чужд. «Дух Индии вырастает из природы, наш же дух противостоит природе», – отметил К.-Г. Юнг.

Илл. 6. Кришна-пастух. Миниатюра Раджастанской школы

Вот как передала свое переживание индийской природы Е.П. Блаватская: «Среди этой дивной природы, где так и тянет стряхнуть с себя земные оковы, обобщиться с нею жизнью беспреградною, и самая смерть в Индии кажется привлекательною». Описывая горы Индостана, не самые высокие и не самые знаменитые, Е.П. Блаватская отметила: «Главная и совершенно своеобразная прелесть последних состоит в изумительно прихотливой их форме. Эти горы или скорее отдельные вулканические скалы, иногда тесно прижатые друг к другу, тянутся хребтами; но чаще всего, к великому затруднению геологов, разбросаны безо всякой видимой причины в самых неподходящих к ним по грунту местностях... Взгляните вниз: вам помешается, будто перед вами мастерская прихотливого титана-ваятеля, наполненная разнообразными полуоконченными группами, статуями, памятниками... А главное, нет здесь ничего искусственного; все это чистая игра природы, которую при случае и пользовались древние строители».

А таинственное величие Гималаев не менее вдохновенно воспевал Н.К. Рерих: «Если бы кто-нибудь задался целью исторически посмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование... Можно в самом деле понять, почему Гималаи имеют прозвище „несравненных“. Сколько незапамятных знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами».

В самом деле, Гималаи, предмет непреходящего восхищения, всегда оказывали сильное влияние не только на климат, хозяйственную и политическую жизнь страны, что вполне очевидно, но и на религию, мифологию, искусство, литературу. Именно на этих горах индийцы разместили обитель своих богов, поклониться которым стекаются со всей Индии паломники.

Священные горы – символ жизни и для народов, живущих у подножия гор, и для обитателей юга, живущих за две тысячи километров от них. Кажется, здесь мифы, легенды и реальность переплелись так тесно, что их невозможно разъединить. «Не в предании, но в яви жили риши, – писал Н.К. Рерих. – Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками, и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество».

В духовной традиции Индии не могло не возникнуть образа мировой горы. Классический ее образец – гора Меру. В мифологии и космографии с ней связан целый цикл общеизвестных мотивов, например, о пахтании океана богами и асурами, жаждущими добыть напиток бессмертия. Через эту гору проходит путь на небо, в царство бога-громовержца Индры; через эту гору мифологические персонажи спускаются с небес и удаляются на небеса. Именно гора стала местом, откуда произошла земля: «Ровно раскинулась земля, и даже гора, пытавшаяся убежать, утихла. Гора осторожно уселась», – говорится в одном из ведийских текстов.

Илл. 7. С.Н. Рерих. Гепан Лагул. 1934

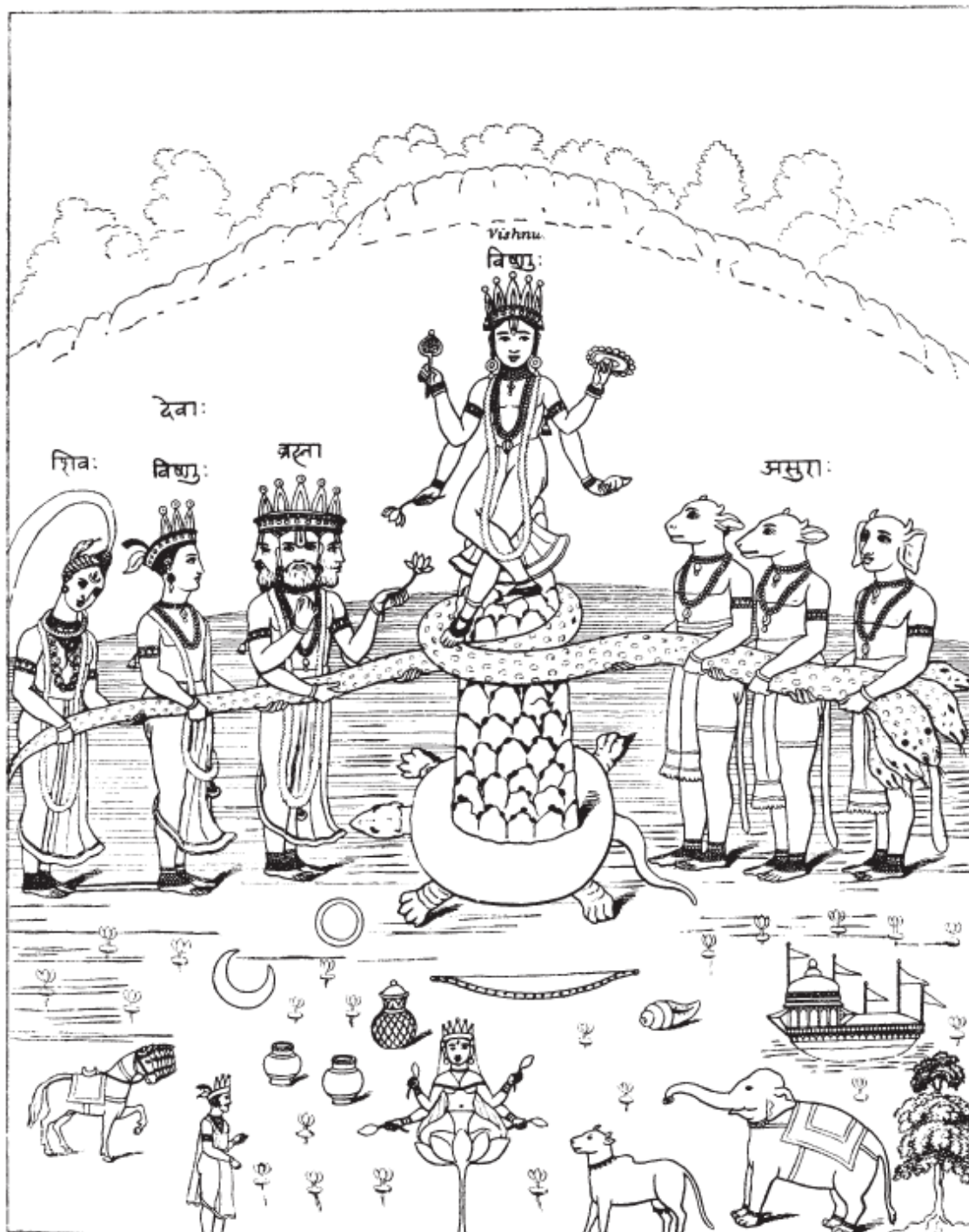
Видимо, совсем не случайно гора для индийца – связующее звено между миром небесным и миром земным. «Досье», связанное с горой, в индийской культуре столь впечатляюще, что выделяет ее как очень ценный для культуры знак, насыщенный глубоким и разнообразным смыслом. Эти смыслы были заложены еще в древнюю эпоху мифотворчества, и им была суждена нескончаемо долгая жизнь. Согласно одному из древнеиндийских мифов, вначале была лишь вода, и «не было ничего, кроме вод»; «миром были воды, движущийся океан». Но эти изначальные воды несли в себе семя жизни. Со дна поднялся небольшой ком земли и плавал по поверхности. Потом он расширился и стал горой, началом земли, продолжая дрейфовать в воде. Здесь в действо вступил демиург-громовержец Индра: он сотворил землю, расколов до основания изначальный холм и пригвоздив его «ко дну вод», а из вскрытого холма вырвалась жизнь в двух формах – воды и огня: именно эти две стихии и стали на века определяющими для индийского космоса. Как тут не вспомнить Бируни, написавшего, что «вода и огонь – те две вещи, вокруг которых вращается вся жизнь».

В горах зарождаются и с них стекают реки, делающие землю плодородной; вода рек издавна обожествлялась и почиталась. В горах образуются дождевые тучи, несущие дождь, такой желанный для земледельцев. Солнце, огонь небесный, здесь, в жарких тропиках, есть всегда и для всех: бог огня, Агни, Джатаведас, «знаток всех существ», – один из самых чтимых богов. Ну а вода, особенно чаемая небесная влага, – редкость, она приходит вместе с муссоном, роль которого в жизни Индии ни с чем не сравнима.

Вот почему, пожалуй, не будет преувеличением считать именно воду для индийца главной мировой стихией, первоэлементом. Она не только определила в изначальные времена пространство мира, но и сейчас в значительной степени задает ритм повседневной жизни, определяет смену сезонов и обеспечивает плодородие земли, а значит, и благоденствие людей. Жизнь индийского земледельца полностью зависит от воды, от небесной влаги, от дождя. Здесь нередко говорят: «Наше сельское хозяйство зависит больше от воды, чем от земли».

В самом деле, муссонный ритм определяет всю хозяйственную жизнь страны, а муссоны очень капризны. Они не всегда приходят, когда им положено, то есть с июля по сентябрь, и не всегда приносят во все районы достаточное количество влаги: как говорится в старинной поговорке, дожди могут «смочить один рог буйвола и оставить сухим другой». Если муссон опаздывает, урожай выгорает, если же он затягивается, то зерно гниет на корню. «Каждый год Индия ждет муссонов, как ребенок ждет материнской груди», – пишет современный индийский автор Анис Джанг. От прихотей муссонов зависят колебание цен и уровень безработицы; важнейшие экономические решения и политические судьбы – словом, вся жизнь огромной страны. «Скудость есть всего лишь не пришедший вовремя муссон», – так говорят в Индии.

Бывают муссоны летние и зимние, но лишь благодатные летние юго-западные ветры приносят дожди, и, чтобы их привадить, крестьяне по обычаю ходят по деревне с большой корзиной на шесте и распевают песни, а на дне корзины, устланном листьями дерева ним, сидит лягушка. Совершают и другие ритуалы, в каждой местности свои. По всей стране известны приметы, говорящие о приближении муссона. Когда воздух оглашается резкими криками павлинов и прилетают пестрые африканские кукушки – муссон уже близко. По одной из пословиц, «если вода в кувшине не становится прохладной, воробьи купаются в пыли, а муравьи прячут яйца в безопасное место – жди ливня». Когда же на землю падают первые капли драгоценной влаги, люди радостно выбегают из домов и мокнут под дождем, словно дети.

Илл. 8. Пахтанье океана (из книги Э. Мура «Hindu Pantheon»). Боги (слева) и демоны-асуры (справа) пахтали океан, чтобы добыть напиток бессмертия – амриту. Вместо веревки они взяли царя змей Васуки, а мутовкой сделали гору Мандару, использовав в качестве опоры для нее царя черепах, держащего мир на своей спине. По мере пахтания из океана появлялись месяц, богиня счастья Лакшми, чудесный белый конь, белый слон, волшебный камень, чудесное дерево и др. сокровища, и, наконец, сосуд с амритой

Приход муссона – явление, воодушевляющее не только крестьян, но и поэтов, певцов, художников. Художники вдохновенно изображают тяжелые темные тучи на своих полотнах, а поэты сравнивают локоны любимой с волнами дождевых облаков. Поэт VI в. Субандху в поэме «Васавадатта» так описал приход муссона: «Реки вышли из берегов. Затанцевал вечер-

ней порой павлин. Дождь прибил пыль, как великий аскет умирляет свои чувства. Исполнены счастья птицы чатаки. Молнии сверкают, словно украшенные жемчугом лодки любви в чарующем океане небес, словно гирлянды на воротах райского дворца, словно сияющий пояс небесной красавицы, словно след ногтей, оставленный на облаках ее возлюбленным – уходящим днем... Дождь похож на игрока в шахматы, а желтые и зеленые лягушки прыгают по квадратам затопленных полей, точно шахматные фигуры. И градины сияют, как жемчуг в ожерельях райских птиц». Где, у какого другого народа дождь может навеять подобные чувства, образы и сравнения?

После всего этого трудно усомниться, что именно вода могла сотворить в Индии весь мир, и не только в древних мифах, но и в реальной жизни. В самом деле, в каком бы месте субконтинента мы ни оказались, справа и слева окажется вода – река, море или океан; сверху – тоже вода, дождь; и даже сама земля, например, в долинах Пятиречья, создана водой – реками, нанесшими такой мощный слой плодородного аллювия, что подстилающие его коренные породы нигде не выходят наружу. Порой кажется, что если бы Ньютон жил в Индии, он не открыл бы закон земного притяжения.

Нет ничего удивительного в том, что вода заняла важное место во всех жизненных регистрах индийцев от повседневности до высокой философии. Сфера повседневного быта более или менее ясна, а потому обратимся к философии. Человек, находящийся на одном из этапов пути духовного развития, в южном буддизме называется «вступивший в поток»; ему предшествует этап «человека из толпы». Образ речного потока как символ высшей культурной ценности основан на общечеловеческой константе – связи символа воды с бессознательным. Цель же буддийского преобразования личности – снятие бессознательного и введение всей психической жизни в сферу сознания, и метафора водного потока – самая подходящая в этом контексте.

Представление о том, как «работали» подобные метафоры, может дать пример из буддийского сочинения «Вопросы царя Милинды», переведенного на русский язык отечественным буддологом А.В. Парибком: «Представь, государь, что царь-миродержец отправился со своим четырехчастным войском в поход и переправляется через небольшую речку. От слонов, коней, колесниц, пехоты речка вся расплещется, замутится, взбаламутится. А царь-миродержец переправится и прикажет слугам: „Эй, принесите-ка мне попить. Пить хочу“. И есть у царя камень, очищающий воду. „Слушаемся, владыка“, – ответят тогда царю-миродержцу его слуги. Они возьмут этот очищающий воду камень и бросят его в воду. И козявки пропадут, и вся тина осядет, чистой станет вода, прозрачной, незамутненной, и поднесут тогда питье царю-миродержцу: „Пусть попьет владыка“. Здесь, государь, водою следует считать мысль; слугами считать подвизающегося; ракушками, ряской, козявками, тиной считать аффекты; очищающим воду камнем считать веру; и как очищающий воду камень: стоит попасть ему в воду, как тотчас все ракушки, ряска, козявки пропадут, вся тина осядет, чистой станет вода, прозрачной, незамутненной, – так и вера: возникая, она сокрушает препятствия, и мысль становится чистой, прозрачной, незамутненной».

В других пассажах этого сочинения приводятся картины-уподобления, где вода показана как родная для всех людей стихия психической жизни, в которой можно «застрять», но которую надо перерасти, преодолеть, подобно тому как некоторые лотосы в пруду, рожденные в воде, в ней и остались, другие же находятся вровень с водной гладью, а третьи возвышаются над ней.

Не менее выразительны и метафоры, связанные с другой природной стихией, с огнем. Так, в упанишадах есть пассаж, в котором говорится о символическом жертвоприношении в учении о «пяти огнях»: весь мир уподобляется жертвенному огню, когда солнце и земля оказываются его топливом, лучи – дымом, день – пламенем, страны света – углем, промежуточные стороны – искрами. Пять элементов, свойственные любому приношению в огонь: топливо –

дым – пламя – угли – искры последовательно отождествляются в «пяти мирах» с небом, воздушным пространством, землей, человеком, женщиной. Последний огонь, шестой, погребальный, на котором сжигается человек, – его последнее жертвоприношение.

Существовала в Индии и своеобразная «философия природы». Одна из индуистских религиозно-философских *школ-даршан*, *вайшешика*, выделяла следующие субстанции, лежащие в основе «философии природы»: землю, воду, огонь, воздух, эфир-акашу, пространство и время. Все они, за исключением пространства и времени, называются великими стихиями, *махабхутами*, или космическими первоэлементами и описываются как обладающие целым рядом качеств; причем, помимо общих, каждая из них имеет еще и свое специфическое качество. Именно это последнее делает великую стихию тем, чем она является. Так, например, согласно одному из теоретиков этой школы, земля имеет цвет, вкус, запах, осязаемость и другие качества, воспринимаемые органами чувств. От других *махабхут* землю отличает запах. Поскольку ни одна из стихий – ни вода, ни огонь, ни воздух, по мнению вайшешиков, в чистом состоянии не имеет запаха, то остается приписать его земле. Другие стихии могут иметь запах благодаря примеси атомов земли, но у них он случаен, земля же имеет его постоянно.

Истории человечества известны разные формы отношения к природе. В первобытности к ней относились как к родному дому; в нашей техногенной цивилизации, вставшей на путь отчуждения от природы, – как к источнику сырья. Едва ли я ошибусь, сказав, что в Индии издревле сложилась традиция отношения к природе как к храму. И не случайно форма индийских храмов, изобилующая самыми разнообразными изображениями и украшениями, воспринимается как *праkriti*, природа в ее бесконечной игре превращений. Не случайно также индийские архитекторы не были озабочены проблемой, как вписать храм в окружающее пространство. В этом не было нужды: природа входила в храм; он был ее продолжением, и его стены украшали изображения тех же животных и растений, которые были вокруг.

Не потому ли и индийское искусство не признает пустого пространства, что так диктует ему природа, и каждый уголок его занят какими-нибудь существами: богами, людьми, животными, растениями, символами, узорами? Иначе не может и быть: главный объект искусства – космос, источник жизни, а он струится вечно и заливает все вокруг своей живительной энергией. Этот космос – всеедин; в нем мерцает множество переходов, полутонов, тончайших и красочных нюансов: сегодняшний крокодил может оказаться моим прадедушкой в позапрошлой жизни, змея – племянницей моей прабабушки, а я сама могу вдруг в каком-нибудь рождении стать раскидистым баньяном. Нетрудно понять, как ощущает себя человек среди такой природы, где все переплетено со всем и связано крепчайшими, нерасторжимыми родственными узами! Вот почему лучший комплимент женской походке – сравнение ее с поступью слона, а для самой женщины будет наибольшей честью, если ее уподобят священной корове.

Особую миссию Индии на земле определяет и необычайное многообразие народов, говорящих на разных языках и исповедующих разные религии, – оно под стать богатству и многообразию природы. Индийские народы отличаются один от другого цветом кожи, культурными традициями, обычаями, образом жизни. Рабиндранат Тагор (1861–1941), пожалуй самый известный миру за пределами Индии автор нового времени, считал, что подобное многообразие должно подтолкнуть страну к созданию синтеза всех культур, которые существуют на ее территории, и тем самым показать остальному человечеству пример мирного и плодотворного сосуществования разных рас, языков, религий, традиций. Он писал: «Провидение словно открыло на земле Индии огромную лабораторию, чтобы получить небывалый общественный сплав». Говоря словами Р. Тагора, Индия была избрана «достичь высокого человеческого идеала, достичь такого совершенства, которое стало бы приобретением для всех людей».

Разумеется, в подобной стране не могло развиваться равнодушие к проявлениям природы в человеке. «Если ходишь босиком, как можно забыть о земле? – спрашивал К.-Г. Юнг. – Вся

эквилибристика высшей йоги нужна для того, чтобы дать возможность человеку не оторваться от земли».

Да, именно так. Индеец Ауробиндо Гхош писал: «Синтез Йоги не может быть удовлетворительным, если он не ставит перед собой цель воссоединить Бога и Природу в освобожденной и усовершенствованной человеческой жизни или не включит в свой метод не только допущение, но и поощрение всеобъемлющей гармонии нашей внутренней и внешней активности в опыте пути достижения божественного совершенства обоих... Истинная цель и полезность Йоги может быть полностью реализована лишь в том случае, если сознательная Йога человека, подобно бессознательной Йоге Природы, станет внешне совпадать с самой жизнью...»

Нам, живущим в современном урбанистическом мире, который неумолимо отторгает нас от природы с ее извечными ритмами и устоями, пожалуй, трудно понять до конца глубину этих утверждений. Мы привыкли к тому, что нас окружает антропогенный пейзаж, и забыли, что значит жить в согласии с природой. Суть в том, что мы действительно почти никогда не ходим по земле босиком и потому, да и не только потому, совсем забыли о ней.

Илл. 9. Крестьяне, обрабатывающие поля

В Индии же, стране по преимуществу сельской, большая часть населения или живет в деревне, или связана с ней. А для земледельца нет большей ценности, чем земля; именно о ней думают чаще всего, и именно она является главной темой повседневных бесед и разговоров. Поле, на котором работает крестьянин, – это живая, настоящая Мать-земля, которая кормит его и меняет свои зеленые сари, выбирая все новые оттенки, как рисовое поле меняет оттенки по мере роста риса. Работая на земле каждый день с 14– или 15-летнего возраста, индийцы знают свои участки так же хорошо, как лица своих родственников и соседей.

Всю жизнь крестьянин привязан к земле, адресуя ей свои самые заветные мечты и надежды; он тревожится об урожае и переживает за будущее, а в конце жизни его тело, точнее, его останки попадают в эту же самую землю. Потомки верят, что их предки таким образом следят за землей и заботятся о ней, и потому они совершают специальные жертвоприношения, чтобы умиловить усопших, так как, по индийским поверьям, неудовлетворенные предки постоянно тревожат живых. Нельзя не признать, что есть нечто символическое в том, что в конце жизни крестьян хоронили в земле, им принадлежащей (на юге Индии принято хоронить, на севере – сжигать).

Об описанном здесь несколькими штрихами природном фоне и о присущем индийцам восприятию окружающего мира не стоит забывать, если мы, знакомясь с достижениями индийского духа, хотим воспринять их адекватно. Не стоит забывать и о том, что традиционная кар-

тина мира передавалась не только текстами, по которым мы обычно в первую очередь судим о той или иной духовной традиции; рискну даже утверждать – текстами в наименьшей мере. Свидетельства достижений индийского духа, причем самые содержательные, передавались прежде всего разнообразными символами, иконографией, архитектурой и т. п. Они очень глубоко и вполне конкретно выражают восприятие Индией мира и его законов, и образ этого мира всегда нерасторжимо связан с Природой.

Вначале был миф

Между индийцем, соотносящим свою жизнь с вечными ритмами космоса, и современным западным человеком, воспринимающим себя прежде всего в историческом времени, лежит глубокая пропасть. За этими, казалось бы, жизненными привычками стоят две кардинально различные картины мира и разные стратегии поведения в мире. В самом деле, когда нас просят объяснить свое поведение или причины того или иного поступка, мы чаще всего обращаемся к истории, потому что нашу сущность мы видим именно в связи с ней. Индийцы же в сходных ситуациях ведут себя иначе. Поддерживая ту или иную социальную норму, участвуя в ритуале, объясняя степени родства и т. п., они припомнят прежде всего соответствующий миф, «прецедент» похожей ситуации в мире богов. «Мы постоянно ссылаемся на мифы и легенды, на героев эпоса, когда нам нужно пояснить мысль или утвердить моральную позицию», – писала Индира Ганди.

Образованный индиец для обоснования своего взгляда может совершить еще религиозно-философский экскурс в область нравственного закона – *дхармы*, жертвы – *дана*, космической гармонии, которую ни в коем случае нельзя нарушать, и процитирует в подкрепление своих слов какой-нибудь священный текст. Так, для М. Ганди «непогрешимым руководством в поведении и повседневым справочником» была «Бхагавадгита», часть эпоса «Махабхарата», содержащая наставление бога Кришны: «Подобно тому как я обращался к английскому словарю, чтобы узнать значение незнакомых английских слов, я обращался к этому словарю поведения за готовыми решениями всех моих тревог и злословий».

Если же существующая практика непозволительным образом расходится с канонической священной нормой, то выход из затруднительной ситуации всегда найдется. По мнению одних, кто-нибудь другой, более достойный и сведущий, сумеет должным образом последовать божественному образцу. Другие же заявят, что в нынешнюю недобрую эпоху кали-юги все отношения непонятно запутались, а люди необратимо поражены собственной глупостью. Ну а третьи предположат, что неадекватность норм – реакция на секуляризацию; возможны и другие, более или менее остроумные оправдания. Но никто не станет отрицать, что общественные установления, как и отношения между мужчиной и женщиной, семья, дети, – все это не столько природные и социальные, сколько сакральные явления. Они являются не чем иным, как обязательным, предписанным всеми религиями следованием незыблемому священному закону *дхармы*, на котором зиждется мировая гармония, а запечатлен он прежде всего в мифах и других священных текстах.

Именно по этой линии и пролегает разделяющий нас водораздел, о котором сказано в начале главы. Мы привыкли считать миф реликтом древней культуры, невозвратно ушедшим в прошлое. В самом деле, кто сейчас всерьез поверит в существование Хроноса, пожирающего своих детей, или Зевса, способного превращаться в быка, дождь и т. п.? При самом богатом воображении невозможно представить себе современного интеллектуала, не сомневающегося в существовании индийского слоноволового бога Ганеши, едущего верхом на мыши, или в магической способности другого индуистского бога – Шивы, часто меняющего облик и могущего своим огненным танцем сотворять и разрушать миры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.